

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенкова Максима Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

16 мая 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

заслушав заключение судьи Н.В.Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М.А.Тимошенкова,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин М.А.Тимошенков оспаривает конституционность статьи 171 «Незаконное предпринимательство» УК Российской Федерации.

Приговором районного суда от 10 июня 2022 года М.А.Тимошенков признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 171 УК Российской Федерации, т.е. в осуществлении предпринимательской деятельности без обязательной лицензии с извлечением дохода в особо крупном размере, ему назначено наказание в виде штрафа. Суд установил, что М.А.Тимошенков, будучи единственным учредителем и директором коммерческой организации, осуществлял в период с 7 июля 2017

года по 5 февраля 2020 года деятельность по производству муки посредством эксплуатации опасного производственного объекта (цеха, где производилась мука) без лицензии на эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов, в результате которой извлек доход в особо крупном размере (более 640 млн руб.). Судами вышестоящих инстанций данный приговор оставлен без изменения.

В этой связи заявитель просит признать оспариваемую норму не соответствующей статьям 15 (часть 1) и 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она допускает привлечение к уголовной ответственности за осуществление незаконного предпринимательства, позволяя признавать в таком качестве эксплуатацию опасного производственного объекта без лицензии, а также распространяет требование о лицензировании части производственного процесса на предпринимательскую деятельность организации в целом.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства, относит к их числу право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, которое наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения, признается и гарантируется в России согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 2; статья 17, части 1 и 2; статья 34, часть 1).

В силу вытекающих из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства и справедливости, на основе которых осуществляется регулирование и государственная, в том числе судебная, защита прав и законных интересов (частных и публичных) участников рыночного взаимодействия, праву каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности корреспондирует

обязанность ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает такая деятельность (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 года № 8-П).

Предпринимательская (экономическая) деятельность, как осуществляемая ее субъектами самостоятельно и на свой риск, подлежит защите с соблюдением конституционных требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на ее реализацию с нарушением прав и свобод других лиц, т.е. таким образом, чтобы обеспечивались баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота, добросовестность их действий и поддержка конкуренции, соблюдались условия безопасности.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данное право не является абсолютным. Реализуя свои полномочия в сфере регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности, федеральный законодатель вправе определять порядок и условия ее осуществления и исходя из специфики той или иной деятельности устанавливать дополнительные требования, а также ограничения, которые, однако, должны соответствовать критериям, закрепленным Конституцией Российской Федерации, а именно вводиться федеральным законом и только в целях защиты закрепленных ею ценностей, в том числе здоровья, прав и законных интересов других лиц (Постановление от 23 мая 2013 года № 11-П; определения от 18 марта 2004 года № 150-О, от 23 июня 2016 года № 1352-О и др.); устанавливать юридическую ответственность за осуществление предпринимательской (экономической) деятельности в нарушение законных требований, в том числе и уголовную; конкретизировать объективные и субъективные признаки основных и квалифицированных составов преступлений, виды и размеры наказаний за их совершение и тем самым дифференцировать ответственность с соблюдением имеющих универсальное значение и относящихся по своей сути к основам конституционного правопорядка общих принципов юридической ответственности, включая принципы справедливости, равенства и правовой определенности, согласно

статьям 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2023 года № 19-П).

3. Статья 171 УК Российской Федерации, устанавливающая в качестве одного из признаков незаконного предпринимательства его осуществление без обязательной лицензии, имеет бланкетный характер, отсылая, в частности, к положениям Федерального закона от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и к находящимся с ними в нормативном единстве подзаконным актам (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 2685-О).

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, принцип правовой определенности, обязывающий федерального законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу соотносить с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия, не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых терминов требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов. Сам по себе бланкетный характер норм не может свидетельствовать об их неконституционности, поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение, а потому оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений (постановления от 27 мая 2003 года № 9-П, от 31 марта 2011 года № 3-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 17 июня 2014 года № 18-П и от 16 июля 2015 года № 22-П).

Федеральный законодатель в рамках предоставленной ему дискреции и в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или

здоровью граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства в Федеральном законе от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» определил те виды деятельности, которые подлежат лицензированию, и отнес к ним эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности (пункт 12 части 1 статьи 12).

Согласно пункту 1 статьи 9 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана в том числе иметь лицензию на осуществление конкретного вида деятельности в области промышленной безопасности, подлежащего лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации. Данный Федеральный закон относит объекты, на которых в числе прочего осуществляется хранение или переработка растительного сырья, в процессе которых образуются взрывоопасные пылевоздушные смеси, способные самовозгораться, возгораться от источника зажигания и самостоятельно гореть после его удаления, а также осуществляется хранение зерна, продуктов его переработки и комбикормового сырья, склонных к самосогреванию и самовозгоранию, к категории опасных производственных объектов (пункт 6 Приложения 1). Для них установлены III класс опасности – для элеваторов, опасных производственных объектов мукомольного, крупяного и комбикормового производства и IV класс опасности – для иных опасных производственных объектов (пункт 9 Приложения 2).

Тем самым в системе действующего нормативного регулирования для эксплуатации объектов мукомольного и крупяного производства – как взрывопожароопасных производственных объектов III класса опасности – получение лицензии обязательно, в отсутствие таковой осуществление предпринимательской деятельности не является законным и ставит под сомнение соблюдение условий безопасности.

4. Устанавливая уголовную и административную ответственность, федеральный законодатель в пределах доступной ему дискреции может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы преступлений и административных правонарушений и их отдельные элементы, в частности определять признаки объективной стороны, учитывая их влияние на оценку общественной опасности деяния и причиняемый вред охраняемому объекту (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 8 апреля 2014 года № 10-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.).

Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без обязательной лицензии может выступать признаком как преступления, предусмотренного статьей 171 УК Российской Федерации, так и административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.1 КоАП Российской Федерации.

Разграничение административного правонарушения и преступления проводится в зависимости от наличия или отсутствия указанных в соответствующей статье уголовного закона признаков, которые относятся в том числе к объективной стороне преступления и свидетельствуют о степени общественной опасности деяния и (или) тяжести наступивших последствий (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2019 года № 579-О и от 30 июня 2020 года № 1391-О).

Первоначально законодатель, реализуя свои дискреционные полномочия в определении публично-правовых последствий совершенного деяния, выбрал в качестве критерия отграничения преступлений, предусмотренных частью первой статьи 171 УК Российской Федерации, от административных правонарушений, предусмотренных частью 2 статьи 14.1 КоАП Российской Федерации, размер причиненного содеянным ущерба и размер извлеченного виновным дохода.

Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации» изменена редакция статьи 171 УК Российской Федерации с исключением из ее положений уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода как в крупном, так и в особо крупном размере (пункт 4 статьи 1).

Правила действия уголовного закона во времени, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, имеют универсальное для всех видов юридической ответственности значение и обязательны как для законодателя, так и для правоприменительных органов, в том числе судов. Принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть – исходя из конституционной обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния – механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания (постановления от 20 апреля 2006 года № 4-П, от 14 июля 2015 года № 20-П, от 17 января 2018 года № 3-П и др.).

Исключение из действующей редакции статьи 171 УК Российской Федерации указания на крупный и особо крупный размер дохода означает, что такой доход впредь не может считаться соответственно криминообразующим или квалифицирующим признаком состава незаконного предпринимательства, а потому эта норма в оспариваемой заявителем редакции утратила силу. При этом согласно части первой статьи 10 УК Российской Федерации уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Что же касается сохраняющего свое составообразующее значение признака причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству, то в деле М.А.Тимошенкова судами он не устанавливался и не учитывался.

По смыслу пункта 4 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации проверяет конституционность действующих нормативных актов и отказывает в принятии жалобы к рассмотрению, если акт, конституционность которого оспаривается, отменен или утратил силу, за исключением случаев, когда он продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия. Поскольку ранее предусмотренные статьей 171 УК Российской Федерации положения об уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случае, когда такая лицензия обязательна, если это деяние сопряжено с извлечением дохода в крупном или особо крупном размере, более применяться не могут, постольку они не могут и выступать предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 4 части первой статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенкова Максима Александровича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой, а также поскольку законоположения, конституционность которых оспаривается, утратили силу.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1120-О